

ЛОУРЕНС РИС

LAURENCE REES

AUSCHWITZ:

THE NAZIS AND THE «FINAL SOLUTION»

ЛОУРЕНС РИС

ОСВЕНЦИМ:

НАЦИСТЫ И «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ
ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА»

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6
P54

Laurence Rees
AUSCHWITZ: THE NAZIS AND THE FINAL SOLUTION

Перевод с английского Антонины Ивахненко

- Рис Л.
P54 Освенцим: Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса» / Лоуренс Рис ; пер. с англ. Антонины Ивахненко. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. – 448 с.

ISBN 978-5-389-13525-3

Из концентрационного лагеря для польских политических заключенных Освенцим превратился в место, где произошло крупнейшее в истории массовое убийство. Разыскав свидетелей тех событий, изучив документальный материал из недавно открытых архивов, Лоуренс Рис опровергает ряд заблуждений, касающихся Освенцима и Холокоста, и дает исчерпывающую картину того, что творилось в лагерном комплексе, где было зверски уничтожено более миллиона людей. История немыслимой жестокости, история мужества, выживания и спасения, непредвзятый анализ множества факторов, сочетание которых привело к тому, что в самом сердце Европы случилась трагедия такого чудовищного масштаба.

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-389-13525-3

Copyright © Laurence Rees 2005
© Ивахненко А., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
КоЛибри®

*В память о более чем миллионе мужчин,
женщин и детей, погибших в Освенциме*

Оглавление

<i>Введение</i>	9
<i>Глава 1</i>	
Непредвиденное начало	29
<i>Глава 2</i>	
Приказы и личная инициатива	104
<i>Глава 3</i>	
Фабрики смерти	167
<i>Глава 4</i>	
Коррупция	233
<i>Глава 5</i>	
Безумные убийства	298
<i>Глава 6</i>	
Освобождение и возмездие	352
<i>Примечания</i>	407
<i>Благодарности</i>	425
<i>Предметно-именной указатель</i>	433

Введение

ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО, НО Я ВЕРЮ, ЧТО написал ее не зря. Не только по той простой причине, что, согласно опросам общественного мнения¹, в сознании народа отсутствует единое представление об истинной истории Освенцима, но и потому, что, надеюсь, моя книга значительно отличается от предыдущих изданий на ту же тему.

Данное произведение стало своеобразным итогом пятнадцатилетней деятельности, во время которой я писал книги и снимал телепередачи о нацистах, и представляет собой попытку продемонстрировать, почему одно из ужаснейших преступлений в истории лучше всего понимается через призму одного конкретного места — Освенцима. В отличие от истории антисемитизма, у Освенцима есть четкая дата начала (первых заключенных-поляков доставили туда 14 июня 1940 года), и, в отличие от истории геноцида, у него также есть и четкая дата окончания (лагерь освободили 27 января 1945 года). Между этими двумя датами Освенцим прожил сложную и удивительную жизнь, во многом ставшую отражением хитросплетений расовой и этнической политики нацистов. Освенцим никогда не задумывался как лагерь по уничтожению евреев, а «окончательное решение еврейского вопроса» никогда не считалось единственной его зада-

чей — хотя именно эта задача со временем стала главной. Кроме того, он постоянно физически изменялся, зачастую — в ответ на успехи или неудачи немецких военных действий на фронте. Освенцим, через свою разрушительную деятельность, стал физическим воплощением фундаментальных ценностей нацистского государства.

Изучение жизни Освенцима также предлагает нам не только возможность взглянуть на нацизм «изнутри»; оно дает нам шанс понять поведение человека в едва ли не самых экстремальных условиях за всю историю. И, поняв его, мы сможем многое понять и о себе.

Эта книга появилась в результате уникального исследования — около сотни специально проведенных бесед с бывшими преступниками-нацистами и уцелевшими узниками лагеря. К тому же она опирается на сотни других интервью, которые я взял в рамках предыдущей работы над темой Третьего рейха, многие из них — с бывшими членами Национал-социалистической партии². Польза от личных встреч и бесед с уцелевшими узниками и преступниками огромна. Они дают такую возможность заглянуть за кулисы, которую редко получаешь, работая исключительно с письменными источниками. Так, хотя я интересуюсь этим историческим периодом еще со школы, совершенно определенно могу сказать, что мой глубокий интерес к Третьему рейху зародился в один конкретный момент — в 1990 году, во время беседы с бывшим членом Национал-социалистической партии. Когда я работал над сценарием и ставил фильм о докторе Йозефе Геббельсе, то разговаривал с Вильфридом фон Овеном, который, как личный референт Геббельса, очень тесно работал с печально известным министром пропаганды нацистов. После официального интервью, за чашкой чая, я спросил этого умного и обаятельного человека: «Если бы вы могли одним словом подвести итог своих впечатлений от Третьего рейха, что бы вы сказали?» Герр фон Овен на минутку задумался, фор-

мулируя ответ, а я для себя решил, что в его ответе будет содержаться ссылка на ужасные преступления режима — преступления, которые он совершенно открыто признал, — и о том вреде, который нацизм нанес человечеству. «Что ж, — наконец произнес он, — если бы я мог одним словом подвести итог своих впечатлений от Третьего рейха, то этим словом было бы слово — рай».

«Рай?» Это абсолютно противоречило всему, что я читал раньше в книгах по истории. И это слово совершенно не вязалось с элегантным, даже изысканным мужчиной, сидевшим напротив меня, который, если уж на то пошло, не выглядел и не говорил так, как, по моему мнению, должен был выглядеть и говорить бывший нацист. Но «рай»? Как такое возможно, как он вообще мог произнести такое слово? Как любой разумный человек мог воспринимать Третий рейх, со всеми его зверствами, в таком ключе? Нет, правда: как такое возможно, что в XX столетии жители Германии, культурной нации в самом сердце Европы, совершали подобные преступления? Вот какие вопросы всплывали в моем мозгу в тот день, целую вечность тому назад, и до сих пор висят там тяжелым грузом.

В моих попытках ответить на эти вопросы мне помогли два удачных стечения обстоятельств. Первое из них заключалось в том, что я стал брать интервью у бывших нацистов как раз в тот момент, когда большинству из них откровенность ничем уже не угрожала. Лет пятнадцать назад, когда они еще занимали важные посты, были столпами общества, — они бы мне не ответили. Сегодня же большинство из них, включая обаятельного герра фон Овена, умерли.

На то, чтобы получить у них разрешение записать интервью, уходили месяцы, а иногда — и годы. Нам никогда не узнать, что перевешивало, убеждая того или иного человека позволить снять его на пленку. Но во многих случаях они четко понимали: чем ближе закат жизни, тем сильнее им хочется записать — включая все неприятные моменты —

свой личный опыт, полученный в судьбоносное время; кроме того, они верили, что *BBC* не станет извращать их слова. Я бы еще добавил: по моему мнению, только *BBC* могла согласиться предоставлять нам необходимую поддержку для осуществления задуманного. Исследовательский период в этом проекте оказался столь долгим, что пойти на расходы в таких условиях могла себе позволить только государственная телерадиокомпания.

Вторым удачным стечением обстоятельств можно считать тот факт, что мой интерес совпал по времени с падением Берлинской стены и открытием границ со странами Восточной Европы. Тогда исследователи неожиданно получили доступ не только в архивы, но и к воспоминаниям конкретных живых людей. Я снимал кино в Советском Союзе еще при коммунистическом режиме, в 1989 году, и в то время очень тяжело было убедить людей поговорить на тему истории их страны, не используя стандартные фразы из пропаганды. С наступлением 1990-х словно прорвало плотину, и на волю хлынули долго подавляемые воспоминания и мнения. В Прибалтике мне доводилось слышать признания в том, что люди приветствовали нацистов как освободителей; в диких степях Калмыкии я из первых рук узнал об организованных Сталиным карательных депортациях целых народов; в Сибири я встречался с ветеранами, попадавшими в тюрьму дважды: один раз — по приказу Гитлера, второй — по приказу Сталина; а в деревеньке возле Минска я познакомился с женщиной, оказавшейся в самой гуще страшной в современной истории партизанской войны — немного подумав, она сказала мне, что красноармейцы-партизаны были хуже нацистов. Все это глубоко скрываемое осуждение так и умерло бы, вместе с осуждающими и осужденными, если бы не падение коммунистического режима.

И есть еще кое-что, еще более пугающее, с чем мне пришлось столкнуться во время путешествия по новым свобод-

ным странам, от Литвы до Украины и от Сербии до Беларуси, — злобный антисемитизм. Я догадывался, что встречу с людьми, ненавидящими коммунистов, — в новых условиях это было совершенно естественно. Но ненависть к евреям? Она казалась абсурдной, особенно потому, что в тех местах, которые я посетил, евреев практически не осталось — об этом позаботились Гитлер и нацисты. И тем не менее старик в Прибалтике, помогавший нацистам расстреливать евреев в 1941 году, даже по прошествии 60 лет по-прежнему считал, что совершал благое дело. И даже кое-кто из тех, кто воевал с нацизмом, придерживался достаточно радикальных антисемитских взглядов. Я помню один вопрос, заданный мне украинским ветераном во время обеда. В молодости он храбро сражался в рядах партизан Украинской повстанческой армии как с нацистами, так и с Советами, в результате чего подвергся гонениям. «Как вы относитесь, — спросил он меня, — к мнению о том, что существует международный заговор финансистов-евреев, действующих из Нью-Йорка и пытающихся уничтожить все нееврейские правительства?» На секунду я растерялся. Притом что сам я не еврей, меня всегда шокирует откровенное проявление антисемитизма там, где этого никак ожидать нельзя. «Как я к этому отношусь? — наконец произнес я. — Я считаю, что это полная ерунда». Старый партизан опрокинул рюмочку. «Правда? — уточнил он. — Вот, значит, что вы думаете. Интересно...»

Но больше всего меня шокировал тот факт, что подобные антисемитские настроения разделяет отнюдь не одно только старшее поколение. Я вспоминаю женщину у стойки регистрации «Литовских авиалиний», которая, узнав, что мы снимаем фильм о евреях, сказала: «Так, значит, евреями интересуетесь? Главное, не забывайте: Маркс был евреем». Или еще один случай в Литве: военный, лет 25, показывал мне место массовых убийств евреев в 1941 году, один из фортов в Каунасе. Он сказал мне: «Знаете, вы не на ту тему кино снимаете.

Дело не в том, что мы сделали с евреями. Дело в том, что евреи сделали с нами». Я ни в коем случае не хочу предположить, что абсолютно все — или даже большинство — жителей стран Восточной Европы, которые я посетил, придерживаются подобных взглядов; однако меня беспокоит сам факт, что такая предубежденность высказывается так открыто.

Все это следует помнить тем, кто считает, что изложенное в моей книге не имеет никакого отношения к современной действительности. И об этом стоит поразмышлять верящим в то, что агрессивный антисемитизм был свойствен исключительно нацистам или даже одному только Гитлеру. Скажу прямо: миф о том, что преступление, состоявшее в истреблении евреев, было неким образом навязано немногими безумцами сопротивляющейся этому Европе, — один из самых опасных. Перед приходом нацистов к власти в Германии не было ничего «уникально истребительного» — если пользоваться громкими словами, модными в академической среде. Да и как иначе, если в 1920-х годах многие евреи Восточной Европы пытались скрыться от антисемитизма не где-нибудь, а в Германии?

Однако в самом менталитете нацистов есть нечто, по моему мнению, кардинально отличающее их от преступников, множившихся в других тоталитарных державах. Именно к такому выводу я пришел, когда закончил работу над тремя отдельными проектами о Второй мировой войне, каждый из которых вылился в отдельную книгу и документальный сериал: сначала *The Nazis: A Warning from History*, затем *War of the Century* — исследование войны между Сталиным и Гитлером — и, наконец, *Horror in the East* — попытка понять японскую душу в 1930-х годах и Вторую мировую войну. Одним неожиданным последствием данного опыта стало то, что благодаря ему я (насколько могу судить) стал единственным человеком, который познакомился и побеседовал со значительным количеством преступников из всех трех основных тоталитар-

ных держав времен Второй мировой войны: Германии, Японии и Советского Союза. И в результате такого опыта я могу утверждать следующее: нацистские преступники, с которыми я встречался, отличались от остальных.

В Советском Союзе атмосфера страха во времена правления Сталина была всеобъемлющей, в отличие от Германии времен правления Гитлера — по крайней мере, до последних дней войны. Рассказ одного бывшего советского военного летчика об открытых собраниях в 1930-х годах, на которых любого могли обвинить в том, что он «враг народа», до сих пор не дает мне покоя. Никто не был застрахован от стука в дверь среди ночи. И не важно, как сильно вы старались приспособиться, не важно, сколько лозунгов вы выкрикивали: злоба Сталина была столь велика, что никакие ваши поступки, или слова, или мысли не могли спасти вас, если луч прожектора падал на вас. Но в нацистской Германии, если только вы не входили в конкретную группу риска: евреев, коммунистов, цыган, гомосексуалистов, «тунеядцев» или, в общем, любую другую, находящуюся в оппозиции к режиму, — вы могли жить в сравнительном спокойствии, не испытывая особого страха. Несмотря на научные работы последних лет, в которых справедливо подчеркивается, как сильно зависела работа гестапо от доносов обычных граждан³, главная правда все равно остается прежней: большинство жителей Германии, с большой долей вероятности — вплоть до того момента, когда фашисты стали проигрывать войну, — чувствовали себя в такой безопасности и были так счастливы, что, если бы в то время провели честные и свободные выборы, Гитлер снова одержал бы на них победу. Для сравнения: в Советском Союзе даже ближайшие, самые преданные соратники Сталина никогда не могли спать спокойно.

Последствия этого для тех, кто совершал преступления по приказу Сталина, оказались следующими: страдания, которые они причиняли другим, были настолько безосновательны,

что зачастую даже исполнители не понимали причин и оснований для приказов. Например, бывший советский сотрудник НКВД, давший мне интервью, приказывал калмыкам взять с собой теплые вещи и сажал их в поезда, идущие в Сибирь, — но он до сих пор не понимает, какие конкретно цели преследовала данная политика. На вопрос о том, почему он так поступал, он всегда дает один и тот же ответ — ирония состоит в том, что, согласно распространенной легенде, именно так на аналогичный вопрос отвечают нацисты: он утверждает, что «просто выполнял приказ». Он совершал преступления потому, что ему так велели, и знал: если он не выполнит приказ, его расстреляют; а еще потому, что «начальству виднее». Разумеется, это означает, что, когда Сталин умер, а коммунизм рухнул, такой человек мог двигаться дальше, оставив прошлое за спиной. Данная зарисовка также демонстрирует, что Сталин был жестоким диктатором, стремившимся запугать людей, но в истории человечества он не один такой: достаточно вспомнить нашего современника Саддама Хусейна.

Я также встречался с японскими военными преступниками, совершившими ряд самых ужасных в современной истории зверств. В Китае японские солдаты разрезали животы беременным женщинам и насаживали на штыки их еще не рожденных детей; они связывали крестьян и использовали их в качестве мишеней на упражнениях в стрельбе; они замучили тысячи невинных людей, применяя такие пытки, которые своей жестокостью могут поспорить с гестаповскими; и они проводили смертельные медицинские эксперименты задолго до доктора Менгеле и Освенцима. Вот как вели себя люди, считавшиеся «загадочными». Однако после проведенного исследования оказалось, что ничего загадочного тут нет. Они выросли в чрезвычайно милитаризованном обществе, прошли военную подготовку в очень жестких условиях, им с самого детства внушалось, что Императору (выступавшему также в роли главнокомандующего) следует поклоняться, и вообще они

жили в культуре, которая исторически преобразовала очень человеческое желание адаптироваться в некое подобие религии. Все эти особенности сошлись в одном ветеране, который рассказал мне, что, когда его пригласили поучаствовать в коллективном изнасиловании китайки, он воспринял акт не столько как действие сексуального характера, сколько как знак его окончательного принятия в члены группы, многие давнишние участники которой до того издевались над ним. Как и советские тайные сотрудники НКВД, с которыми я встречался, ветераны-японцы пытались оправдать свои действия практически исключительно с помощью ссылок на внешний источник — в данном случае на сам режим.

Нечто совершенно иное происходит в умах многих нацистских военных преступников, и его суть в сжатом виде изложена в этой книге, в интервью с Гансом Фридрихом, который признает, что в составе отряда эсэсовцев на Востоке лично расстреливал евреев. Даже сегодня, когда нацистский режим давно повержен, он ничуть не сожалеет о своих поступках. Ему проще всего было бы спрятаться за оправданиями «выполнения приказов» или «промывки мозгов пропагандой», но сила его внутренней убежденности такова, что он этого не делает. Это отвратительная, презренная позиция — но вместе с тем и очень интригующая. И современные доказательства демонстрируют, что она не уникальна. Например, среди документов Освенцима не обнаружено ни одного, где бы говорилось о том, что эсэсовца преследовали в судебном порядке за отказ принимать участие в убийствах, в то время как нет недостатка в материалах, демонстрирующих, что настоящая проблема с дисциплиной в лагере — с точки зрения руководства СС — состояла в воровстве. Таким образом, оказывается, что рядовые члены СС согласились с нацистским руководством, что убивать евреев — правильно, но не согласились с политикой Гимmlера в отношении того, что им не было дозволено получать личную выгоду от совершения дан-

ного преступления. А наказания для эсэсовца, пойманного во время совершения кражи, могли быть весьма строгими — почти наверняка гораздо более серьезными, чем за простой отказ принимать активное участие в убийствах.

Итак, я пришел к выводу, основываясь не только на интервью, но и на последующей работе в архивах⁴ и беседах с учеными, что люди, совершавшие преступления в рамках нацистской системы, гораздо охотнее возьмут на себя личную ответственность за свои действия, чем военные преступники, служившие режимам Сталина или Хирохито. Разумеется, это обобщение, и в каждом режиме найдутся люди, не соответствующие данному типу. И у всех этих режимов, разумеется, было много общего — не в последнюю очередь, колоссальная опора на массивированную пропаганду соответствующей идеологии, насаждаемой сверху. Но как обобщение оно, на мой взгляд, достаточно обосновано и вызывает тем большее любопытство, если учесть жесткую систему подготовки эсэсовцев и популярный стереотип, согласно которому немецких солдат сравнивают с роботами. Как мы увидим, эта тенденция — что отдельные нацисты, совершавшие преступления, чувствовали большую личную ответственность за свои действия,— способствовала созданию как Освенцима, так и в целом «окончательного решения еврейского вопроса».

Стоит попытаться понять, почему столь многие бывшие нацисты, с которыми я встретился за последние 15 лет, судя по всему, находят для себя внутреннее оправдание («я думал, что поступаю правильно»), а не внешнее («мне приказали поступить так»). Одно очевидное объяснение состоит в том, что нацисты основательно опирались на уже укоренившиеся убеждения. Антисемитизм существовал в Европе задолго до Адольфа Гитлера, и очень многие обвиняли евреев, пусть и безосновательно, в поражении Германии в Первой мировой войне. В целом вся изначальная политическая программа нацистов в начале 1920-х годов была практически неотличима

от программ бесчисленного количества других националистических партий правого толка. Гитлер не внес никаких новшеств в политическую мысль; однако он действительно принес новшества в принцип руководства. И в начале 1930-х годов, когда Германию накрыла депрессия, миллионы немцев, желая излечения страны от невзгод, добровольно обратили свои взоры на нацистов. На выборах 1932 года никого не заставляли под дулом пистолета голосовать за нацистов, и те получали все больше и больше власти в полном соответствии с существующим законодательством.

Еще одна явная причина того, почему система убеждений, предложенная нацистами, пустила такие глубокие корни, заключается в деятельности доктора Йозефа Геббельса⁵, пожалуй, наиболее успешного пропагандиста двадцатого столетия. В популярном мифе его часто изображают грубым полемистом, печально известным своим произведением *Der ewige Jude* («Вечный жид») — фильмом, в котором картины расстрелов евреев перемежаются изображениями крыс. Но в действительности большая часть его работы была куда более тонкой и куда более коварной. Это Гитлер уделял значительное внимание таким наполненным ненавистью фильмам, как «Вечный жид»; Геббельсу же такой примитивный подход совершенно не нравился, он предпочитал куда более тонкую *Jud Süß* — драму, в которой прекрасную «арийку» насилует еврей. Анализ реакции публики, проведенный Геббельсом лично (он был просто одержим подобными исследованиями), показал, что он был абсолютно прав: любители кино предпочитали ходить на такие пропагандистские фильмы, где, по его выражению, «они не замечают никаких хитростей».

Геббельс полагал: гораздо предпочтительнее усиливать уже существующие предубеждения и предрассудки аудитории, чем пытаться изменить чью-то точку зрения. В тех случаях, когда возникала необходимость внести определенные коррективы во взгляды немецкого народа, он применял подход «движе-

ния со скоростью конвоя — ни в коем случае не быстрее, чем самое медленное судно в караване»⁶, и постоянно повторял, каждый раз немного по-разному, ту идею, которую хотел вложить в головы публики. Поступая так, он редко пытался сообщить что-то зрителям; он демонстрировал образы и рассказывал занимательные истории из жизни обычных немцев, подталкивая слушателей к необходимому выводу, давая им, однако, возможность считать, что к такому выводу они пришли совершенно самостоятельно.

На протяжении 1930-х годов Гитлер, с одобрения Геббельса, не часто пытался внушить большинству немцам политические взгляды наперекор их желанию. Разумеется, его режим отличался радикализмом, но предпочитал действовать с одобрения большинства, а в отношении столь необходимой динамичности — в значительной степени полагался на инициативу снизу. В свете всего вышесказанного, логичным кажется тот факт, что, когда речь зашла о преследовании евреев, начиналось оно очень и очень осторожно. Как бы ни испепеляла Гитлера ненависть к евреям, на выборах в начале 1930-х годов эту политику он активно не проталкивал. Он не скрывал своего антисемитизма, но и он сам, и нацисты в целом сознательно акцентировали внимание на других сторонах своей политики, например на своем желании «возместить ущерб» от Версальского договора, создать рабочие места для безработных, вернуть людям чувство национальной гордости. Сразу после того, как Гитлер стал канцлером Германии, по стране прокатилась волна еврейских погромов, в значительной степени возглавляемая нацистскими штурмовиками. Кроме того, был объявлен бойкот евреям-бизнесменам (при поддержке Геббельса, яркого антисемита), но продержался он только один день. Нацистское руководство чутко следило за общественным мнением и в своей стране, и за рубежом; в частности, они вовсе не хотели, чтобы их антисемитизм привел к изоляции страны в мире. Еще два антисемитских

всплеска (первый — в 1936 году, со вступлением в силу Нюрнбергских расовых законов, согласно которым евреи лишались всех гражданских прав и свобод, и второй — в 1938 году, когда в результате *Kristallnacht* («Хрустальной ночи») сжигали синагоги, а десятки тысяч евреев бросили в тюрьму) служат вехами в преследованиях евреев нацистами. Но в целом развитие антисемитской политики проходило постепенно, и многие евреи старались перетерпеть тяготы жизни в Германии 1930-х годов. Нацистская пропаганда, направленная против евреев, проходила со скоростью «самого медленного корабля в конвое» Геббельса (исключение тут составляют немногие фанатики вроде Юлиуса Штрейхера и его возмутительных листовок *Der Stürmer*). Кроме того, до самого начала войны в кинотеатрах не демонстрировали откровенно антисемитских фильмов: ни *Der ewige Jude*, ни *Jud Süß*.

Понимание того, что нацисты продвигали политику уничтожения евреев шаг за шагом, противоречит понятному желанию указать на конкретный момент, когда было принято судьбоносное решение, приведшее к «окончательному решению еврейского вопроса» и газовым камерам Освенцима. Но эта история не так проста. На принятие решений, в результате которых возникла такая изощренная техника убийства, предполагавшая подвоз обреченных семей по железнодорожной ветке чуть ли не в сам крематорий, ушли годы. Нацистский режим практиковал то, что один известный историк назвал «кумулятивной радикализацией»⁷, в соответствии с которой каждое решение приводило к углублению кризиса, вследствие чего принималось еще более радикальное решение. Самый очевидный пример того, как события, виток за витком, могут приводить к катастрофе, — продовольственный кризис в гетто Лодзи летом 1941 года: эта ситуация заставила одного нацистского функционера спросить, «не будет ли наиболее гуманным решением покончить со всеми евреями, не пригодными для работы, с помощью какого-нибудь эффективного

устройства»⁸. Таким образом, мысль об истреблении вводится под соусом «гуманности». Разумеется, не следует забывать, что продовольственный кризис в Лодзи возник в первую очередь из-за вполне конкретной политики нацистских властей.

Это вовсе не означает, что вины Гитлера в совершенных преступлениях нет — потому что, несомненно, она есть, — но вина эта более злобная, чем если бы он просто однажды собрал всех своих подчиненных и заставил выполнить приказ. Все нацисты, занимавшие руководящие посты, знали: есть одно качество в политике, которое их фюрер ценит превыше остальных — радикализм. Гитлер как-то признался: он хочет, чтобы его генералы походили на «собак, рвущихся с привязи» (и в этом отношении они чаще всего подводили его). Его пристрастие к радикализму, а также склонность стимулировать яростное соперничество среди руководителей партии нацистов, назначая двух человек на должности с приблизительно одинаковым кругом обязанностей, означали, что и в политической, и в административной системе Германии присутствовала колоссальная динамичность, и к тому же — серьезная внутренняя неустойчивость. Все знали, как сильно Гитлер ненавидит евреев, все слышали его речь в 1939 году в рейхстаге, в которой он предсказывал «истребление» европейских евреев, если они «спровоцируют» мировую войну, так что все без исключения руководители партии нацистов понимали, какой именно политический курс в отношении евреев следует предлагать — чем радикальнее, тем лучше.

Во время Второй мировой войны Гитлер огромное количество времени уделял одному-единственному вопросу: как же ее выиграть? И он гораздо меньше времени тратил на «еврейский вопрос», нежели на тонкости военной стратегии. Пожалуй, его политику в отношении евреев можно сравнить с распоряжениями, которые он давал гауляйтерам (наместникам территорий) в Данциге, Западной Прус-

сии и Вартеланде, говоря о своем желании германизировать эти районы, и обещал не «задавать лишних вопросов» о том, каким образом они выполнили поставленную перед ними задачу, если только они ее выполнят. Потому совсем не трудно представить себе, как Гитлер аналогичным образом заявил Гиммлеру в декабре 1941 года, что хочет, чтобы евреев «истребили», и пообещал не задавать никаких вопросов касательно способа такого истребления, если они помогут достичь желаемого результата. Разумеется, мы не можем знать наверняка, какой именно оборот принял тот разговор, поскольку во время войны Гитлер осторожничал и использовал Гиммлера в качестве буфера между собой лично и осуществлением «окончательного решения еврейского вопроса». Гитлер понимал, какие масштабные преступления замышляют нацисты, и не хотел, чтобы какой-нибудь документ связал его с этими преступлениями. Но его непосредственное участие чувствуется везде: начиная с откровенной стилистики ненависти и тесной связи между встречами с Гиммлером в ставке Гитлера в Восточной Пруссии и заканчивая радикализацией преследования и убийства евреев.

Трудно передать то возбуждение, которое испытывали нацистские лидеры, служа человеку, осмеливавшемуся мечтать в таких эпохальных масштабах. Гитлер мечтал одержать победу над Францией за считанные недели — и преуспел. Он мечтал захватить Советский Союз — и летом и осенью 1941 года практически все указывало на его скорую победу. И он мечтал истребить евреев — в определенном смысле, эта задача оказалась наиболее простой для исполнения.

Конечно, амбиции Гитлера были колоссальными — но все они были исключительно деструктивными, и самой концептуально деструктивной из всех была именно идея «окончательного решения еврейского вопроса». Очень важно помнить: в 1940 году два нациста, которые со временем станут значимыми фигурами в разработке и осуществлении «окон-

чательного решения еврейского вопроса», независимо друг от друга признали, что массовые убийства идут вразрез с «цивилизованными» ценностями, которых придерживались даже они. Генрих Гиммлер написал, что «физическое истребление народа» совершенно «не в немецком духе», а Рейнхард Гейдрих отмечал, что «биологическое истребление идет вразрез с благородством немецкой нации как цивилизованного народа»⁹. Но шаг за шагом, в течение ближайших полутора лет, «биологическое истребление народа» стало именно тем политическим курсом, которым они пойдут.

Последовательно анализируя, как именно Гитлер, Гиммлер, Гейдрих и другие ведущие нацисты создали как «окончательное решение еврейского вопроса», так и Освенцим, позволяет нам увидеть в действии динамичный, радикальный и чрезвычайно сложный процесс принятия решений. Преступление, разработанное верхами, не спускалось вниз; точно так же оно не было придумано низами и одобрено верхами. Конкретных нацистов никто не принуждал совершать убийства, угрожая им страшными карами. Ничего подобного: это было коллективное предприятие, которым владели тысячи людей одновременно, и именно они принимали решение не просто участвовать в его деятельности, но и проявлять инициативу, чтобы решить проблему убийства людей и избавления от трупов в масштабах, ранее неслыханных.

Мысленно следуя по пути, которым шли как нацисты, так и те, кого они преследовали, мы также приобретаем уникальную возможность посмотреть изнутри на условия человеческого существования. И то, что мы узнаем, как правило, неприятно. Хотя, пусть и очень редко, нам встретятся отдельные люди, отличавшиеся благородством, по большей части это история деградации. Трудно не согласиться с вердиктом Эльзе Бакер, оказавшейся в Освенциме в возрасте восьми лет, что «уровень человеческой испорченности не поддается описанию». Однако, если здесь есть проблеск надежды, он состоит

в могуществе семьи как поддерживающей силы. Поистине героические поступки совершались людьми, оказавшимися в лагере, — ради отца, матери, брата, сестры или ребенка.

Но, пожалуй, прежде всего Освенцим и «окончательное решение еврейского вопроса» демонстрируют способность ситуации влиять на поведение — до такой степени, какую себе сложно представить. Это подтверждает один из самых сильных и храбрых узников лагеря смерти, которым удалось уцелеть, — Тойви Блатт. Нацисты принудили его работать в Собиборе, но позже он рискнул жизнью и бежал: «Меня спрашивали: “Что ты узнал?” — но думаю, наверняка я узнал лишь одно: на самом деле никто себя не знает. Ты обращаешься к приветливому прохожему, спрашиваешь его, где находится нужная тебе улица, — и он проходит вместе с тобой полквартала, чтобы ты не заблудился. Он такой вежливый, такой предупредительный. Но тот же самый человек в других обстоятельствах может оказаться гнуснейшим садистом. Никто себя не знает. В тех [других] ситуациях все мы могли быть хорошими, а могли — и плохими. Иногда, встречаясь с особенно вежливым или предупредительным человеком, я спрашиваю себя: “А как бы он повел себя в Собиборе?”»¹⁰

Чему эти люди, которые выжили в лагерях смерти, научили меня (и, если быть честным, так же как и преступники), так это тому, что человеческое поведение — очень тонкая штука, совершенно непредсказуемая и зачастую зависит от ситуации. Впрочем, разумеется, каждый отдельный человек стоит перед выбором, он волен поступить так или иначе; однако, к сожалению, для очень многих людей выбор определяется именно сложившейся ситуацией. Даже те необычные индивиды — как, например, сам Адольф Гитлер, — которые кажутся нам властителями собственной судьбы, в значительной степени были созданы именно реакцией на предыдущие ситуации. Тот Адольф Гитлер, который известен нам из истории, во многом сформировался благодаря взаимодействию

между довоенным Гитлером, никчемным бродягой, и событиями Первой мировой войны — глобальным конфликтом, над которым он был не властен. Я знаком не с одним серьезным ученым, исследующим данный вопрос и считающим, что Гитлер никогда бы не достиг такого выдающегося уровня, если бы с ним не произошла определенная трансформация во время той войны и если бы он не испытывал сильное чувство горечи из-за поражения Германии. Поэтому мы можем пойти дальше, чем просто сказать: «Не будь Первой мировой войны, Гитлер не стал бы канцлером Германии», и вместо этого сказать: «Не будь Первой мировой войны, не было бы человека, ставшего тем Гитлером, которого мы знаем из истории». И хотя, разумеется, Гитлер сам решал, как ему себя вести (и при этом тысячи раз совершал свой личный выбор, из-за чего и заслуживает того бесчестия, которое на него в результате обрушилось), само его существование стало возможным лишь благодаря конкретной исторической ситуации.

Однако эта история также демонстрирует нам, что если отдельные люди меняются под воздействием ударов судьбы в зависимости от ситуации, то группы людей, работающих вместе, могут создать лучшие культуры, которые, в свою очередь, могут помочь отдельным людям вести себя более благородно. История о том, как датчане спасали своих евреев, и о том, как они обеспечили возвращающимся евреям теплый прием в конце войны, представляет потрясающий пример последнего. Датская культура отличалась сильной и распространенной верой в незыблемость прав человека, что способствовало благородному поведению большинства жителей. Но не стоит впадать в излишний романтизм в отношении опыта Дании. На датчан тоже оказывали колоссальное влияние ситуационные факторы, которыми они не управляли: время нападения нацистов на датских евреев (в тот момент, когда немцы со всей очевидностью проигрывали войну); географическое расположение страны (предоставлявшее достаточно простой

путь побега через узкую полосу воды в нейтральную Швецию); и отсутствие слаженных усилий СС по принуждению к депортациям. Тем не менее разумно сделать вывод, что одна форма частичной защищенности от еще больших зверств, наподобие Освенцима, заключается в коллективной гарантии отдельных людей, что для культурных обычаев их общества подобное страдание невыносимо. Социал-дарвинистские идеалы нацизма (идеи закономерности естественного отбора и борьбы за существование, выявленные Чарлзом Дарвином в природе и распространяемые нацистами на отношения в человеческом обществе), покоящиеся на заверении каждого «арийского» немца в том, что он принадлежит к расе господ, разумеется, создавали прямо противоположный эффект.

И тем не менее данная тема все равно вызывает чувство глубокой печали, которое ничем не утолить. Все время работы над этим проектом для меня громче всего звучали голоса тех, у кого уже нельзя взять интервью: голоса 1,1 миллиона человек, убитых в Освенциме, и в частности — более двухсот тысяч детей, умерших там, лишенных права вырасти и познать жизнь. В память мне врезался один образ, врезался в тот самый момент, как мне его описали. Это был образ «процессии»¹¹ пустых детских колясок — собственности, украденной у погибших евреев, которую вывозили из Освенцима в сторону вокзала по пять штук в ряд. Узник, видевший эту колонну, говорит, что она ехала мимо него в течение целого часа.

Дети, прибывшие в Освенцим в этих колясках, вместе с мамами, папами, братьями, сестрами, тетями и дядями — всеми, кто погиб там, — и есть те, которых мы должны помнить вечно, и данная книга посвящается их памяти.

Лоуренс Рис

Лондон, июль 2004

Научно-популярное издание

Лоуренс Рис

ОСВЕНЦИМ:

Нацисты и «окончательное решение
еврейского вопроса»

Выпускающий редактор П. Шиков

Редакторы В. Глушаков, А. Кальниченко

Художественный редактор С. Карпухин

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры Н. Соколова, Т. Филиппова

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 08.02.2021. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага писчая. Гарнитура «Original Garamond».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0.

Доп. тираж 5000 экз. В-НМА-21709-07-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru